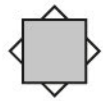
Борис
Тучин

СИБИРСКИЕ АФИНЫ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Т 92

Оформление обложки Виктории Манацковой

Тучин Б.
Т 92 Сибирские Афины : роман / Борис Тучин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 640 с.
ISBN 978-5-389-35390-9

Борис Иосифович Тучин — врач, писатель, журналист, поэт и литературовед. Окончил лечебный факультет Томского медицинского института. Во время учебы увлекся журналистикой, начал публиковать стихи и заметки в газетах. С тех пор, соединив две профессии — врача и литератора, — продолжал заниматься художественным творчеством. Его перу принадлежит более тридцати книг, среди которых выделяется масштабная трилогия «Сибирские Афины», посвященная созданию Томского университета — первого университета в Сибири — и людям, которые на краю империи закладывали основы новой цивилизации. В центре повествования — профессор Василий Флоринский, врач, выходец из бедной семьи дьякона, сделавший блестящую карьеру в Петербурге и впоследствии взявший на себя миссию устроителя Сибирского (Томского) университета. Его открытие в 1888 году — пока только медицинского факультета — стало лишь началом долгой истории...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Б. И. Тучин, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-35390-9

ЗАКЛАДКА

1

В середине марта на Волге небезопасен становится оседающий тонкий лед. Почта переводится на летний тракт, а тракт покамест лишь смутное прошлогоднее воспоминание. Согнанные со всего края мужики гнут спины, гребя лопатами, но все равно — четыреста верст холмов и буераков от Казани до Нижнего в дорогу не превращаются. И лишь за чертой Нижегородского вокзала путник, впервые после угрюмой хляби конного пути, попробует ватными ногами устойчивость железнодорожной платформы. Не нужно больше с обмиранием сердца ожидать смертельной беды с лошадьми или колесами. Вдалеке, у водокачки, в ореоле могучего дыма, грохочет нетерпеливый паровоз; нарядные вагоны первого класса ждут привилегированных пассажиров; мужчины подсаживают дам на высокие подножки; кондуктор, отдувая бакенбарды, свистит. Светло как днем. Мир снова обретает уверенность и надежность.

Только самая крутая необходимость выгоняет в такую пору человека на тракт.

Профессор Казанского университета Василий Маркович Флоринский получил срочное приглашение. Его хотели видеть в столице. Князь Александр Прохорович Ширинский-Шихматов, давний друг, второй сановник министерства народного просвещения, оповещал с ликованием: «...Государь император высочайше соизволил утвердить состав строительного комитета по возведению в городе Томске зданий Вашего, дорогой Василий Маркович,

университета... Соблаговолите, высокочтимый Василий Маркович, прибыть в Петербург лично и по возможности в ближайшее время...» Вот оно, долгожданное! Добились... А то уж казалось: годы мечтаний, хлопот, подготовки и личные жертвы — несутся попусту. Ныне ожиданье, терпеливо настойчивое, — вознаграждено.

Само собой разумеется, и мига промедления не вытерпел Василий Маркович. Двойную плату предложил он ямщику, и к вечеру, с легоньким чемоданчиком, забрался в тряский возок.

Качнувшись, ушли за поворот последние фонари Казани. Уже долгое время Василий Маркович со все большим упоением предавался изучению древностей — доисторического посева курганного царства российских пространств, — много размышлял по поводу быта и возможного расселения скифов, и вот сейчас, посреди первозданного мира, вообразил вдруг себя в роли доверенного гонца великого владыки. Торопится он в стан союзного вождя, везет в заветной суме рунические посланья. Легко бегут быстроногие лошади, и зверообразный возница в бараньей, на голое тело накинутой шкуре правит на запад. Шум, темнота, порыв — дикое, бесконечное движение.

Но скоро болезненные толчки возвратили Василия Марковича в положение путешественника, вынужденного на своих боках терпеть испытание российскими дорогами девятнадцатого века. Скифы растворились в истории, легли под насыпи, истлели. Послания нынче пишутся не на камне либо костяной пластине, а сам он, профессор Флоринский, — всего только чиновник на службе у государства и едет по сугубо казенной надобности.

Тут, в темной, обесснеженной степи, постигло его несчастье. Лошади на всем бегу впрыгнули в коварный ледяной овражек — зажору. Ямщик исступленно колотил кнутом, ругался, но колесо не проворачивалось в густом ледяном крошеве.

Василий Маркович послал парня в ближайшую деревню за подмогой. Ямщик выругался, ушел, с ним пропали всякие звуки, напоминающие о человеческой жизни.

Лошади одни кряхтели, да на реке с пугающим гулом лопался натруженный ледяной панцирь.

Запахнув шубу, в яме, в поле, четыре часа обретался Василий Маркович. Понуро стояли лошади. В кустиках ветер посвистывал. И наконец в беззвездной ночи возникли зыбкие, блеклые огоньки. Лошади, словно бы с облегчением, заржали.

Неся горящее тряпье на палках, топоры и лопаты, пришли вместе с ямщиком крестьяне. Посвечивая факелами, залезли в зажору. Подкапывали, тянули, подымали повозку. Лошади дернули — возок выскочил на твердую землю.

Василий Маркович достал бумажник зацепенелыми пальцами, щедро одарил избавителей.

Возчик сел на козлы, длинным кнутом ожег лошадиные спины.

Без дальнейших приключений прибыли на станцию Крутой Лог. Тамошний смотритель, бледный, ссутуленный, попытался изобразить на помятом лице приветливость.

— У вас что — зубы болят? — справился Василий Маркович.

— Никак нет, ваше превосходительство. А только вы же про коней спросите. Так их вон тот господин берут-с.

Смотритель мотнул головой в сторону комнаты для проезжающих. В ней, за растворенной дверью, сладко чаевничал тучный господин купеческого облика. Темнел перед ним и некий графинчик, поблескивал стаканчик серебряный. Верткий лакей, с полотенцем через руку, извлекал из дорожных ларцов, подкладывал на тарелочки разную снедь.

Василию Марковичу, ехавшему без слуги и с ничтожной поклажей, картина эта показалась не очень приятной, да делать нечего, и он прошел в комнату для проезжающих. Поздоровался. Спросил дозволения заварить чаю из поданного господину самовара. Тотчас последовала команда:

— Егорушка, поставь другой приборчик!

Но Василий Маркович отклонил любезность. Он только чаю хотел.

Господин, обладавший повадками негоцианта, полюбопытствовал, какова впереди дорога.. Ему скакать далеко — до самого Томска.

Василий Маркович обрисовал путь и, в свою очередь, спросил: хорош ли город Томск?

— Помилуйте, сударь мой. Сам в первый раз туда еду.

Василий Маркович назвал себя. Ответно отрекомендовался и его новый знакомец:

— Профессор архитектуры Максимилиан Юрьевич Арнольд, строитель Томского университета. И про вас много наслышан, Василий Маркович. Вот как дорога-то сводит!

В обращении Арнольда сквозила фамильярность — манера, всегда плохо переносимая Флоринским.

— Осмелюсь поинтересоваться, господин Арнольд. Строителем университетских зданий назначен академик архитектуры Бруни. Отчего же в Томск направляетесь вы, а не он?

— Еду в качестве его друга и ученика.

— На каких же условиях академик Бруни уполномочил вас работать вместо него в Томске?

— По справедливости, Василий Маркович, как водится у порядочных людей. Архитектору выплачивается четыре процента суммы, назначенной на постройку, не так ли? Мы и поделили поровну, по два процента. Две с половиной тысячи мне уже выплатили. Негусто, знаете ли: прогоны большие, семью кормить. Трудно!..

— Должен ли я, милостивый государь, понимать вас таким образом, что академик Бруни вовсе не собирается бывать в Томске?

— Совершенно правильно изволите понимать, Василий Маркович. Академик мне доверяет не менее, чем себе самому. Ибо о работах моих много говорят — особенно о крыше на Корсунском храме Святого Владимира и госпитальных бараках в Корнештах. Сам граф Дмит-

рий Андреевич Толстой видит во мне лучшего в империи строителя храмов.

— Храмы святые — куда как славно. Однако же... — Василий Маркович хмыкнул и быстренько прикинул: строительный кредит составляет шестьсот пятьдесят тысяч рублей, отсюда два процента — тринадцать тысяч. Постройка продлится не менее пяти лет. Две с половиной тысячи Арнольд уже заграбастал — в дальнейшем, следовательно, ему приходится годовых не свыше двух тысяч. Кормиться самому, содержать семью и челядь, оплачивать колоссальные прогоны себе и слуге. Да еще любовницу заведет. — В дележке вашей выходит какая-то несообразность. Так не делается. Обязан предупредить: выскажу министру просьбу предложить Бруни — либо проводить самому лето в Томске, либо передать весь доход фактическому строителю. А если уж называть вещи своими именами, то эти два процента — взятка. Начинать университет на таких сомнительных основаниях не будем.

— Расчеты с академиком — мое личное дело! — вспылил Арнольд. — Ученик благодарит патрона половиной содержания — что в том незаконного?

— Вашей щедрости относительно Бруни, милостивый государь, не понимаю. Коли рассчитываете на побочные доходы, то не лучше ли заблаговременно отказаться от работы для университета?

— Я такой же профессор, как вы, господин Флоринский, и вправе принимать самостоятельные решения. Егорушка, запрягай!

— Уже готов-с, барин Максим-Юрч! — Ловкач-слуга свысока глянул на Василия Марковича и, вынеся многочисленные поставцы с едою, принялся укутывать барина в просторную шубу.

2

Сибирская университетская история к моменту вступления в нее Василия Марковича Флоринского длилась уже восьмое десятилетие.

Еще на заре столетия заговорили в высших кругах государства о желательности открытия университета в тогдашней сибирской столице Тобольске. Идею поддержали влиятельные люди. Потомок петровского сподвижника Павел Григорьевич Демидов, к примеру, жертвуя на эти нужды сто тысяч, предусмотрительно просил поместить вклад в надежное государственное место, для возрастания процентов.

Однако Сибирь была далека, а Наполеон близок. Отечественная война отодвинула на неопределенное время помыслы о новом питомнике просвещения. Потом возникла другая причина отсрочки: Тобольск перестал быть административным центром, значение его упало.

Старейшие сановники министерства по большому секрету передавали Василию Марковичу, что император Николай Павлович, чье царствование началось, как известно, виселицами и этапированием декабристов, развитие образования, тем паче в каторжном краю, обзывал химерой.

Помнили в министерстве и о том, как после смерти Николая, в 1856 году, престарелый министр народного просвещения Абрам Сергеевич Норов, стуча деревяшкой (прилаженной когда-то взамен отрезанной после Бородинского сражения ноги), принес новому государю всеподданнейший доклад, где между прочим отметил, что открытие в Сибири университета — дело важности первостепенной: «Эта благодетельная мера обещает великие последствия для края, который ожидает только животворного содействия науки, чтобы доставить государству неисчислимые выгоды».

Норов не убедил императора. Напротив, польское восстание и общественное движение шестидесятых годов внушили Александру II неприязненное отношение к студентам. В министерстве об этом шептались, в свете толковали открыто: государь видит в студентах зачинщиков революции.

Да и в целом силы, противостоящие правительству, одной из задач борьбы видели умственное пробуждение

Сибири. Молодые интеллигенты, уроженцы окраины, писали статьи и прокламации, читали лекции, требуя скорейшего развития ее, и ставили в один ряд с открытием университета — отмену ссылки... Ядринцев, Потанин, Шашков и их друзья поплатились за то свободой, намыкались в тюрьмах и изгнании.

Флоринский, акушер и гинеколог по специальности, воспринимал поначалу канитель с предполагаемым Сибирским университетом как одну из министерских легенд-историй, к нему лично не относящихся.

Для того ли выбирался он из пермского захолустья к вершинам научной и административной карьеры, чтобы в конечном счете связать судьбу свою с делами Сибири?

Василий Маркович родился в семье бедного дьякона, вынужденного ради прокормления большой семьи заниматься и крестьянской работой. Вскорости батюшка его стараниями родственника, архиепископа Аркадия, был переведен в Пермскую губернию, в село Пески, поблизости от Кургана, где был рукоположен в священнический сан и выстроил первую в истории села церковь. Сам преосвященный Аркадий получил пермскую кафедру благодаря знаменитому сенатору Сперанскому, с которым состоял в родстве.

По переселении в Пермскую губернию отец Марко Яковлев, по требованию духовного начальства, выбрал себе настоящую фамилию Флоринский, очевидно, по звучанию латинских вокабул, очень им любимых.

Проведя детство среди простых крестьян и без особого достатка (отец продолжал снискивать пропитание, крестьянствуя), Василий Маркович навсегда полюбил патриархальных селян, видя в них людей богобоязненных, законопослушных, строящих жизнь на высоких нравственных основаниях. Он благодарил судьбу за то, что унаследовал от предков отменное здоровье, что первые годы прожил среди вольной природы и трудолюбивых, не отступавших от изначальных христианских законов мужиков.

Времена с тех пор изменились: пышные луговины запаханы, березовые леса повырублены, озера поусохли, в села проникли продукты цивилизации в виде московской мануфактуры, чая и водки — взамен самотканой одежды и домодельной обуви, разных квасов и медовой браги... Но устои поколебать не так-то легко. Города в этом отношении несравненно в большей степени подвержены всякого рода поветриям и разрушительным переменам во взглядах и поведении их обитателей.

Пески свои Василий Маркович называл поэтому не иначе как благословенными.

На седьмом году его выучили читать по церковной печати. Он полюбил лубочные сказки, что привозили в село коробейники-офени; то были дешевые книжки с картинками, повествовавшие про Бову-королевича, Еруслана Лазаревича, Добрыню Никитича, сказки о Мамаевом побоище, семи Симеонах, курице и золотых яйцах. В том возрасте Василий Маркович живо воображал себе героические сцены, дальние страны, приключения и путешествия, фантазии доводили его почти до галлюцинаций.

Древними преданиями полнилась и вся зауральская земля, где за двести лет до того основался первый очаг русской оседлости — Далматов монастырь, а кругом и рядом еще доживали век старики, помнившие грозные дни пугачевского бунта.

Рано, с семи или восьми лет, обнаружилось у него влечение к старинным предметам.

Раз летом гостил он в ближнем селе у старшей сестры. Однажды, играя с сельскими мальчишками, увидел, как обваливается кусок берега реки Течи. С землею посыпались под гору блестящие серебряные чешуйки и колечки. В месте обвала торчали концы сгнивших бревен. Могилы, объяснили им старшие. Ребята набрали пригоршни монет и колечек. Найденные тут же кости и длинную черную косу, с привешенными к прядям металлическими бляшками, они, по распоряжению зятя-священника,

тотчас закопали в землю. Серебряную мелочь оставили у себя. Впоследствии в Петербурге Василий Маркович показал серебряные чешуйки сведущим людям и узнал, что это деньги русских удельных князей.

Его отдали в монастырское училище. Там, в усыпальнице основателя монастыря Далмата, сподвижника Ермака, хранились копья, стрелы, кольчуги. В Далматове же он впервые увидел огромные земляные курганы и услышал народные легенды об их происхождении. Все это запечатлелось и, по всей вероятности, послужило причиной тому, что на всю жизнь он приобрел слабость к русским древностям.

Учение при монастыре Василий Маркович считал для себя самой темной полосой. Ветхий, грязный одноэтажный корпус, омут гадостей и жестокостей в виде розог или двухпудовых железных ошейников с цепями, в которые заковывали на неделю и более десяти-, одиннадцатилетних мальчиков, публичные немилосердные порки...

Лично Василий Маркович не испытал подобных ужасов. Привилегированное положение как архиерейского внучка, способности к учению и проживание не в бурсе, а на частной квартире уберегли его.

В 1848 году, в четырнадцать лет, его перевели в Пермскую духовную семинарию. Верх блаженства!.. Отсутствие телесных наказаний, почтенные, знающие дело учителя (архимандрит Макарий, например, занимался древностями Перми Великой и любил беседовать на эту тему), замечательная библиотека с массой фолиантов — здесь все располагало к научным занятиям.

Словесник Вишняков мастерски и с увлечением читал произведения русских авторов: Державина, Фонвизина, «Горе от ума» Грибоедова, почти всего Пушкина, Лермонтова, лучшие вещи Жуковского и Гоголя, «Обыкновенную историю» Гончарова. По собственной инициативе учащиеся многое списывали в тетради и заучивали наизусть. Василий Маркович писал сочинения и стихи,

получал за то поощрения, приобрел вкус и стиль и мог считать себя литературно образованным.

Моричеровский, преподаватель логики и психологии, особенно любимый, отличался либерализмом, разумеется в малой дозе, у себя на квартире бывал особенно словоохотлив и воспевал Петербург, единственный, по его мнению, великий город на свете. Наслушавшись Моричеровского и начитавшись описаний Петербурга из новейших журналов, Василий Маркович, долженствовавший, как один из первых учеников, ехать в Казанскую духовную академию, возымел страстное желание отправиться в Петербург.

Моричеровский помог ему исхлопотать разрешение, и Флоринский стал пионером, поехавшим в другой, столичный округ для завершения духовного образования. Шаг необычный, тем более что в отличие от Казани, где поступление было гарантировано, а обучение оплачивалось казной, в Петербурге он должен был держать поверочные испытания и учиться на собственный страх и риск — своекоштно.

Под влиянием опасений за будущее, в Перми в июле 1853 года написал он большое стихотворение, в котором имелись и такие строки:

За чем погнался я? Чего недоставало?
В деревне жил бы я, спокоен и женат,
Кругом родня, и в кошельке немало,
И под боком всегда и батюшка, и брат.
Еще ли не тепло, еще ли не привольно;
Чего же хочешь ты от жизни и людей?
Но рад ли я, что разум мой невольно
Влечет меня туда, где шире и светлей?

По Каме и Волге он ехал на открытой барже, в третьем классе, от Нижнего до Москвы — на тройке с попутчиками, затем двое суток по Николаевской дороге, под непрерывным дождем, на открытой платформе, перевозившей бедных пассажиров.

Петербург встретил провинциала непривычно высокими домами, грязными улицами, пасмурной погодой, шумом и трескотней. Он хорошо сдал экзамены, однако в духовную академию зачислен не был, вместе с Добролюбовым, впоследствии известным писателем, и Марковым, — вакансии, им предназначавшиеся, начальство отдало вдовствующим священникам.

От данных батюшкой пятидесяти рублей у него оставалось всего десять. Что было делать? Василий Маркович зашел в отворенный храм Владимирской Божией Матери, встал на колени перед зажженной лампадой, усердно помолился владычице и выплакал горе, вручая судьбу свою ее невидимому покрову. Когда Василий Маркович ехал из Москвы, то сидел на скамейке рядом со студентом Медико-хирургической академии Боголюбовым. И надо же такому случиться: выйдя из церкви, именно его встретил на улице. Боголюбов отвел его к себе на Выборгскую сторону, дал чистый лист бумаги, и Флоринский написал прошение на имя президента академии Пеликана. Он получил разрешение сдать экзамены, справился с ними, был принят и стал обучаться медицине. Совершенно неожиданно из сферы богословских предметов он вступил в круг предметов естественных, требовавших для своего усвоения не рассуждения, а голой, бесконечной зубрежки. Ботаника, зоология, анатомия, фармация...

Василий Маркович вступил в академию еще при старых порядках схоластического преподавания, муштры, немецкого засилья. Требовалось ношение формы — боже упаси выйти за Литейный мост, «в город», не облаченным в полные доспехи, включая каску и шпагу: провинившимся грозил карцер.

Жил плохо, в сырой каморке, вдвоем с товарищем, питался в захудалой кухмистерской, впроголодь, но быстро проявил себя способным учеником, сделался стипендиатом военного ведомства и перешел на казенное содержание. На четвертом курсе он по конкурсу занял место

в хирургической клинике и получил при ней небольшую комнатку с полным продовольствием. Работая под руководством талантливого молодого хирурга Петра Саввича Платонова, он делал визитации к больным, производил хирургические операции, вправлял вывихи, накладывал гипсовые и крахмальные повязки при переломах. Платонов поручил ему держать корректуру своего печатавшегося курса анатомии, а затем порекомендовал профессору Китеру. Тот, не владея в достаточной мере русским языком, предложил Флоринскому записывать и обрабатывать для печати его лекции по акушерству. Сочинения Китера, отредактированные Флоринским, не представляли оригинального вклада в русскую медицинскую литературу, но труд этот сильно образовал Василия Марковича. Он перешел в акушерскую клинику и, пользуясь в ней большой свободой, еще студентом освоил в полном объеме предмет акушерства и гинекологии.

Тогда же, в годы учения, Флоринский написал первые свои научные труды.

Академия между тем переживала период коренных преобразований. Вместо безличных и бесполезных руководителей ее возглавили президент Петр Александрович Дубовицкий, вице-президент Иван Тимофеевич Глебов. К ним примкнул крупнейший химик Николай Николаевич Зинин.

Их называли триумвиратом.

Триумвират энергично обновил состав профессоров и преподавателей. Вместо тех, кто пользовался сведениями, добытыми еще в двадцатые и тридцатые годы, пришли специалисты, владевшие самыми передовыми знаниями эпохи. Был учрежден Институт молодых врачей, для приготовления к профессорскому званию. Изменился устав академии — вводились новые кафедры и предметы. Строились здания для современных учебно-вспомогательных учреждений, снабженные всеми нужными пособиями.

Через пять-шесть лет академия из второстепенного учреждения превратилась в самое образцовое в России высшее учебное заведение. Ей подражало министерство народного просвещения, вводя в университетах те же порядки.

Система дополнительного образования включала в себя посылку в заграничные университеты, дабы брать там все лучшее из европейского просвещения.

Начали появляться научные работы питомцев академии, не уступавшие по достоинству заграничным. В их числе — статьи Флоринского.

Преподавание на латыни, преобладание немецкой речи в стенах академии отошли в область предания. На русском языке писались и защищались диссертации.

3

По окончании курса Василий Маркович был оставлен при клинике в качестве ординатора, в двадцать восемь лет получил докторскую степень и двухлетнюю командировку для усовершенствования в Мюнхен и Вену, а по возвращении быстро поднялся по академическим ступеням: адъюнкт, потом экстраординарный и наконец ординарный, полный профессор.

Он великолепно оперировал, мастерски принимал роды, много писал и печатался на темы науки и медицинского быта, а кроме того, отлично знал способы лечения всевозможными травами. Имя его сияло среди звезд отечественной медицины, популярность у высокопоставленной публики росла. Его приглашали в семьи императорской фамилии...

В академии наращивались перемены, иноземцев теснила русская партия Сергея Петровича Боткина, и Василий Маркович по убеждению вошел в ее ряды. Гордился переменами и своей причастностью к ним: да неужели это мы сделали?

Василий Маркович отнюдь не причислял себя к ретроградам во взглядах на общественные проблемы. Однако же он полагал, что текущие перемены могут внушить весьма серьезные опасения за будущее нашей учащейся молодежи, а значит, за строй жизни в империи.

Он сближался — само собой разумеется — более всего с теми профессорами, что, подобно ему, разделяли тревогу относительно набиравшего силу либерализма.

От него слышали:

— В наше время — в конце сороковых и в пятидесятых годах — в образе мыслей не существовало ни духа отрицания, ни духа сомнения. Мы искренне верили в догматы христианской религии, а идеи скептицизма и материализма не находили места в наших сердцах, живших по заветам семьи и простого народа. Это было дорогое достояние, дававшее смысл, утешение и красоту в скромной трудовой жизни. К отрицательным сторонам, например взяточничеству, казнокрадству, мы относились с омерзением, все это внушало нам не чувство негодования, а только потребность избегать этих зол в будущем. Одним словом, мы верили в исторический прогресс, но были очень далеки от идеи насильственной ломки существующего строя.

Василий Маркович сожалел о студентах, что бросали учебу ради бунтовщической деятельности, — многие так и пропали, сгинув по крепостям и тюрьмам. Он считал долгом профессора удерживать учащихся в аудиториях и классах.

Силы же к тому прилагались тогда немалые, средства выбирались суровые. Назначенный министром народного просвещения граф Дмитрий Андреевич Толстой не напрасно, должно быть, выполнил основательное исследование касательно истории иезуитов и пришел к выводам столь серьезным, что даже сочинение свое издал не на русском языке, а на французском, дабы не распространялась в читающей среде истина о методах подчинения

и власти, хитроумно разработанных этим католическим орденом... Граф Дмитрий Андреевич не новомодные естественные, по сути настоянные на зернах атеизма, науки внедрял в учебных заведениях, а классическую систему образования, видя в том, во-первых, полезную гимнастику ума, а во-вторых, спасение от революции — ею просто некому станет заниматься, ибо юные умы система полностью забьет зубрежкой мертвых языков — латинского и греческого.

Граф Толстой умел выбирать преданных союзников. Блестящие научные успехи Василия Марковича, его личная порядочность и соответствующее миросозерцание привлекли внимание министра. Флоринского приблизили, пригласили единственным специалистом в ученый комитет министерства. Теперь, если Василию Марковичу что и не нравилось в теориях и действиях графа Толстого, приходилось помалкивать. За графом, раз пошедши, надлежало следовать до конца..

При всей поглощенности медициной и делами административными Василий Маркович старался всяким случаем удовлетворить влечение свое к истории. В архивных делах министерства представал перед ним извилистый, мучительный путь российского просвещения. Там же, в архивах, начал постигать он затянувшуюся драму Сибирского университета.

Здесь крылась в зародыше крупная государственная задача. Дальние горизонты откроются тому, кто возьмется за ее разрешение и сумеет добраться до свершения... В доверительной беседе с министром Василий Маркович высказал следующее: новые университеты будут открываться и впредь, потому правительству ни под каким видом нельзя упускать инициативу, отдаваться на произвол событий, которые в деле просвещения стремятся направлять представители противоположного, революционного, лагеря.

Отныне граф Толстой имел на профессора Флоринского особые виды.

Вновь назначенный генерал-губернатор Западной Сибири Николай Геннадиевич Казнаков повстречался Флоринскому раз-другой на квартирах высших руководителей министерства, а по-настоящему свел Казнакова с профессором у себя дома граф Толстой.

Казнакова переполняли планы переустройства дикого, лишенного цивилизации края. Он читал все, что писалось о Сибири: книги, статьи, различные докладные записки. Университет, отмена ссылки, школы, газеты — все, все должна получить Сибирь! Генерал успел уж познакомиться с теми, кто называл себя патриотами Сибири, — промышленником Сидоровым, публицистом Ядринцевым. Они мечтали об университете, возбуждали — было! — университетским проектом сибирское общественное мнение. После все, каждый по-своему, испытали гонения, а тема оказалась под спудом, и поднимать ее снова небезопасно.

Мало, что ль, в государстве дремлющих идей — сегодня растолковывать их предосудительно, битву за них в лучшем случае расценят как донкихотствование, в худшем же — как злую крамолу, а минут годы, и новые люди внезапно вспомнят о ней, по-новому перепишут ее, раззолотят, поднимут как знамя и понесут, и сделают модой, и злобою дня, и наконец — делом. Мало ли? Полным-полно.

Но Казнаков еще ничего не ведал ни о демидовском капитале, по сию пору обраставшем процентами, ни о проекте Норова. А Василий Маркович говорил об этом захватывающе и, заканчивая, воскликнул:

— Осчастливьте Сибирь, ваше высокопревосходительство! Ходатайствуйте об университете для обездоленного края!

— Одного ходатайства мало, — резонно возразил Казнаков. — Надо, чтобы и в Петербурге кто-то поддерживал и продвигал замышляемое предприятие. К тому же обоснование проекта придется подготавливать в моей резиденции в Омске. Найдутся ли там компетентные

люди? И что скажет государь, если, возбудив ходатайство, я затем представлю ему малоубедительный проект?

Слова Казнакова предназначались министру.

— Умножению числа высших и средних заведений при надлежащей в них постановке дела государь препятствовать не станет, — заверил граф. Что означало: министерство поддержит генерал-губернатора перед императором.

Министр также заявил, что, по его мнению, профессор Флоринский, воспитанный на востоке, горячо интересующийся Азиатской Россией, более многих осведомлен об условиях жизни в сибирской окраине, знает историю вопроса. Поэтому лучшего составителя плана будущего университета и искать не нужно.

Высокое доверие воодушевило Василия Марковича. В считаные дни написал он служебную записку, в двух копиях, и передал ее министру народного просвещения и западно-сибирскому генерал-губернатору.

«Сибирь тратит умственные силы на стороне, — указывал он, — выучившиеся в России и за границей сибиряки домой не возвращаются. В Сибирь же за усиленными окладами едут люди чуждые, не намеренные вековать там. В своем университете край производил бы собственных врачей, юристов, техников, образованных коммерсантов. Поднимется интеллектуальный уровень окраины, она сможет пользоваться дарами просвещения».

Наиболее приемлемым для местопребывания университета составитель записки называл город Томск, двадцатипятитысячное население которого занималось торговлей и промышленностью, тогда как в административных центрах — Иркутске и Омске — проживали по преимуществу чиновники и военные. Томск, узел пересечения почтового тракта и речного судоходного пути, удачно располагался в географическом сердце Сибири.

Василий Маркович разработал и подробное устройство университета, со всеми кафедрами четырех факультетов — филологического, физико-математического, юридического, медицинского.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

БОРИС ИОСИФОВИЧ ТУЧИН

СИБИРСКИЕ АФИНЫ

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Алиса Павлова, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.11.2026.
Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 33,6. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қ.,
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-LMR-44909-01-R